

Книга первая

НЕБО ОБРУШИЛОСЬ

1

Он прилетит. Прилетит и спасет меня. Он не может не прилететь. Клык не даст мне здесь погибнуть.

Я уже много дней заперта в клетке. Не помню, когда я последний раз ела, не помню, чтобы меня сморил сон. Крыша едет от анализов, тестов, воткнутых в меня игл и больничного запаха хлорки. Вернулся кошмар моего детства, когда я подопытным кроликом росла в лаборатории психованных генетиков. Дикая ярость заливает мой мозг.

Но Клык не прилетел мне на выручку. Придется спасать себя самостоятельно.

— Эй, назад! — Чуть только я прижимаюсь к прутьям решетки, лаборант лупит по ним здоровенной дубиной, и с каждым ударом петли двери гнутся все больше и больше. Все идет по плану.

подавив страх, снова хватаюсь за прутья и прижимаюсь к ним носом. Главное — рассчитать время. Помедли я лишнюю секунду — эта горилла разmozжит мне руки, лицо или голову.

— Кому говорят, назад! — Дубина обрушивается на ослабевшие петли. Мгновенно отпрыгнув назад, я стре-

мительно выбросила вперед ногу и, собрав все оставшиеся силы, ломанулась в дверь.

— Эй! — Ошеломленный вопль лаборанта замер у него на губах. Выскакиваю из клетки и со всей яростью озверевшего мутанта, крутанувшись, с размаху вмазываю ему по башке. Еще один поворот — и я вскакиваю на стол.

Уже вовсю орет сирена, из коридора доносятся крики и топот тяжелых сапог. Подпрыгиваю вверх к змеящейся по потолку трубе, повисаю на ней и, хорошенько качнувшись, поддаю обеими ногами по облаченной в белый халат могучей груди. Не в силах вздохнуть, амбал тут же оседает на колени. Воспользовавшись секундной передышкой, разбегаюсь по столу, прыгаю и распахиваю крылья.

Вступает в силу закон врожденного преимущества мутанта.

Ко мне уже протянулись волосатые ручищи, но я успеваю взмыть под самый потолок к маленькому окошку. Стоит только садануть в стекло — и я на свободе. Вдруг...

Я отпрянула от окна, увидев за стеклом знакомый темный силуэт.

Клык!

Он сидит на крыше и наблюдает за побоищем. Моя правая рука, мое надежное крыло. Я знала, что он придет. Без него я бы уже тысячу раз на тот свет отправилась. Но мы с ним друг на друга всегда можем положиться, и не было случая, чтобы он не пришел мне на помощь. Облегченно вздыхаю и нацеливаюсь прыгнуть в окно.

Комната внизу полна вопящих белохалатников. Давайте, давайте, надрывайтесь, лузеры.

Сколько окон я за свою пятнадцатилетнюю жизнь поразбивала! Так что я прекрасно знаю, крови и боли не миновать. Но ради свободы все можно выдержать.

Врезаюсь правым плечом в стекло — оно не поддается. Меня отбросило в сторону, и я камнем рухнула вниз. Время остановилось. Раздался хлопок, и в ногу мне впи-лась капсула с транквилизатором.

Валяюсь на полу. Сверху на меня смотрят безразлич-ные глаза Клыка.

Обалдело понимаю: он не собирается разбивать стек-ло, не собирается меня спасать. Сворачиваюсь в комо-чек на сияющем линолеуме и теряю сознание.

Клык меня предал.

Кажется, я снова падаю вниз. Инстинктивно хватаюсь за то, что попало под руку.

Пальцы цепляются за ветку, лихорадочно втягиваю ртом воздух. Глаза у меня широко открываются, и я по-нимаю, что ни в какой я не в клетке, не в лаборатории в Школе, а на вершине высокой сосны. И все случивше-ея — просто очередной страшный сон.

Тяжело вздыхаю. Кровь все еще стынет в жилах.

Стараясь успокоиться, смахиваю выступившие на лбу бисерины холодного пота.

Кошмар кончился. Я свободна. Я на свободе.

Пора его забыть. Нечего мусолить всякие ужасы. Но он не уходит. Кошмар продолжает меня мучить. И самое ужасное в нем то, от чего меня полностью парализовало...

Клык не пришел мне на помощь. Не выручил, не спас. И никогда больше не спасет.

2

Уже неделю я сижу в Аризоне. Неделю живу с мамой и сводной сестрой Эллой. Неделю моя стая резвится в полной безопасности. Мама кормит нас до отвала. По-стели мягкие, и Газзи ухитрился выиграть у мамы в покер

сорок баксов, пока она окончательно не оставила надежду отыграться. Даже сейчас из окна кухни на верхушку моей девяностофутовой сосны несется соблазнительный запах домашних пирожков с яблоками. И не каких-нибудь полуфабрикатных, а только что вынутых мамой из духовки.

Все здесь счастливы и здоровы. Все, кроме меня. Вернее, я тоже здорова. Ни тебе подбитого глаза, ни раны от шальной пули. Ребра в кои веки раз целы. А счастье? Счастье — это совсем другое дело. Про счастье я и не помышляю.

Всего каких-то восемь дней назад я была счастлива, как может быть счастлива любая нормальная пятнадцатилетняя крылатая девчонка. Пока Клык, мой лучший друг, мой единомышленник, моя первая, моя единственная любовь, не взял да и не отвалил, не сказав ни слова. Только записку идиотскую оставил. Лучше бы он мне крылья отрезал.

Он решил, что лучше будет, если мы расстанемся. Один, сам решил. Со мной не посоветовался. И кто ему только дал право за меня решать, что мне лучше? Лучше бы я без сознания умирала, лучше бы он действовал по инструкции. Зря я, что ли, ее составляла.

Короче, я двадцать четыре часа пролежала, отвернувшись к стене. И тогда-то Надж позвонила маме. Стыд какой!

Даже когда меня подстрелили, меня не нужно было срочно спасать. А теперь вся моя стая — Игги (ему тоже пятнадцать), Надж (ей двенадцать), Газзи (девять, умолчу пока, почему мы его так называем), семилетняя Ангел и я, Максимум Райд, или просто Макс, — прилетела в Аризону. И вот теперь все они там прохлаждаются, пирожки с мамой пекут, в картишки перекидываются,

ся, а я сижу на макушке сосны, и мне так хреново, что я даже плакать и то не могу.

Простите, дорогие читатели, что я все свое горе на вас выплеснула. Вы, наверное, книжку открыли в надежде прочитать про драки и побоища, про невероятные, но очень даже возможные сценарии конца света, а вместо того нашли меня скулящей на верхушке сосны. Зрелище не из приятных, вы уж простите меня за такое разочарование.

И поверьте, если бы я могла с этим что-нибудь поделать, все было бы по-другому. Но теперь я сама не своя. Макс без Клыка — не Макс. То и дело поглядываю на прекрасное старое кольцо. Это Клык подарил мне его еще совсем недавно. Он отвалил, и я выбросила кольцо в помойку, а потом сто лет ползала на коленях, разгребая груды мусора, пока оно не нашлось в грязной консервной банке.

— Хорошо, ты хоть в унитаз его не спустила, — съязвил Газман, глядя, как я роюсь в мусорной бачке.

Это могла бы быть лучшая неделя моей жизни. Но теперь тоска обволокла меня плотным коконом.

Без всякого предупреждения позади меня раздается:
— Бу!

«Вот спасибо! Хоть двинуть кого-то можно!» — думаю я и, подавив испуганный крик, прыгаю вниз.

3

Разворачиваюсь на ветке. Готовые к драке, мышцы напряжены. В бою я асс. Кому хочешь отпор дам, хоть во сне. Врасплох меня не застанешь и в плен за здорово живешь не возьмешь. Перехитрю врага — только так. А вот с разбитым сердцем дело обстоит хуже. Но это всем и так известно.